Санкт-Петербургский
государственный
университет
www.spbu.ru

ПОЭЗИЯ КАТАЛОНИИ

Антология
Елена Зернова
Поэзия Каталонии

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9469941
Поэзия Каталонии / сост., коммент., предисл., послесл. Е. Зерновой; предисл., послесл. Ж. Маргарита: Издательство Санкт-Петербургского университета; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-288-05767-0

Аннотация

В антологии впервые в России полностью представлены все этапы истории каталонской поэзии – от XII в. до настоящего времени – на примерах творчества ее виднейших поэтов (представлены стихотворения и фрагменты прозы). Часть переводов выполнена специально для данной антологии.

Для широкого круга читателей.

Содержание

От составителя 7
Предисловие 9
1. Политический контекст 9
2. Литературный контекст 14
XII–XV века 19
Беренгер де Палоу 20
«Мне любы веселье и пенье…» 20
«Ах, дама прекрасна лицом…» 22
Гильем де Кабестань 24
«Когда впервые вас я увидал…» 24
«Я сердцем таю…» 25
«Как тот, чей взор в листве густой…» 29
«Сладостно-злая грусть, что Амор мне дал…» 31
Гильем де Бергеда 36
«Ласточка, ты ведь мне спать не даешь…» 36
«Эта песенка на грани…» 38
«Вы падки, государь, на наслажденья…» 40
На смерть Понса де Матаплана 42
Герау де Кабрера 45
Наставление 45
Понс д'Ортафа 52
«В неразумии своем я страдаю, как в 52

бреду…»
Рамон Видаль де Безалу 55
Суд любви 55
Сервери Жиронский 62
Дорожная песенка 62
СТихи о палаче и шуте 64
«Между Леридой моей…» 67
Эспингадура 71
«Как тот, что долгий день провёл в скитанье…» 73
Арнаут Каталан 77
«Я в Ломбардии, бывало…» 77
«Боже правый, дух смятен…» 78
Народные романсы 82
Граф Арнау 82
Дама из Арагона 89
Узники Лериды 91
Моряк 92
ДОН ЛУИС 95
Рамон Льюль 98
Песнь Рамона 98
О праздности 101
Об уповании 102
Об утешении 103
Книга о рыцарском ордене 105
Пере Марк 112

«Дни человека к смерти чередой…» 112
«Деву чту я, коль стыдлива…» 115
Ансельм Турмеда 117
Восхваление денег 117
Строфы о смуте в королевстве Майорка 119
Конец ознакомительного фрагмента. 121

Поэзия Каталонии
Составитель Елена Зернова

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Составитель Елена Зернова

Предисловие *Ж. Маргарита*
Комментарии *Е. Зерновой*

Рекомендовано к публикации научной комиссией филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

От составителя

Подобная цветку речь каталонца, язык и гор, и моря, и полей.
Блай Бонет

Поэтическое искусство Каталонии чрезвычайно богато и разнообразно. Уже в XII столетии на территории современной Каталонии существовала виртуозная лирика, созданная трубадурами, ставшая эталонной для того времени и вошедшая в золотой фонд мировой литературы. Для литературы и философии Средневековья важнейшее значение имело творчество каталонца Рамона Льюля. В эпоху Ренессанса Каталония подарила миру поэта Аузиаса Марка. Новый расцвет поэзии в Каталонии – это эпоха романтизма. В каталонской литературе XIX в. главной фигурой, несомненно, является великий поэт Жасинт Вердагэ, его творчество получило всемирную известность еще при жизни автора. Поэтом, столь же значимым для мирового искусства, на рубеже XIX–XX столетий стал Жуан Марагаль. Блестящая плеяда поэтов появляется в Каталонии уже в самом начале XX в.: Жузеп Карне, Карлес Риба, Жуан Салват-Папасейт и др. В период франкистского режима многие поэты вынуждены были покинуть родину, каталонский язык оказался под официальным запретом и литература Каталонии, разумеется, пережи-

вала серьезный кризис. После смерти Франко каталонские поэты получили возможность вновь говорить в полный голос на своем родном языке. В настоящей антологии их творчество заняло свое достойное место.

В нашей стране сборники, посвященные поэзии Каталонии, уже выходили. Но благодаря настоящей антологии русский читатель впервые может познакомиться с каталонской поэзией за почти тысячелетний период ее развития – от XII в. до начала XXI столетия.

Ряд переводов выполнен специально для данной антологии (в «Содержании» они даются под звездочками).

Е. Зернова

Предисловие

1. Политический контекст

В 1971 г. после первого исполнения гимна Организации Объединенных Наций[1] в штаб-квартире этой организации в Нью-Йорке Генеральный секретарь ООН У Тан наградил великого каталонского виолончелиста Пау Казалса медалью Мира. Затем, уже вне протокола, Казале обратился к Генеральной Ассамблее со следующими словами:

I am a Catalan. Today, Catalonia is just a province of Spain. But what was Catalonia? Catalonia was the greatest nation in the world. I will tell you why. Catalonia had the first parliament, long before England. Catalonia had the first United Nations. All the Catalan authorities in the XIth century met in a city in France, at that time Catalonia, to talk about peace. In the XIth century!

I have not played the cello in public for many years[2], but I feel

---

[1] «Гимн Организации Объединенных Наций», известный также как «Гимн Мира» для оркестра (музыка Пау Казалса, текст английского поэта Уистана Хью Одена), был впервые исполнен 24 октября 1971 г. по случаю 25-й годовщины Организации Объединенных Наций. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

[2] Казале, проживавший во французской Каталонии, после окончания Испанской гражданской войны в 1939 г. принял решение никогда не играть на виолон-

the time has come to play again. I am going to play a melody from Catalan folklore, “El cant dels ocells”. Birds sing when they are in the sky. They sing “Peace, peace, peace” and that is a melody that Bach, Beethoven and other great composers have admired and loved. What is more, it was bom from the soul of my people, the Catalans[3].

Я бы хотел предложить русскому читателю краткое объяснение этих слов. В качестве единой общности, не только лингвистической, но и национальной, Каталония, насчитывающая в настоящее время 7,5 миллионов человек, существует по обе стороны Пиренеев вдоль побережья Средиземного моря с 987 г., когда область, известная под именем Испанская Марка и созданная в свое время каролингской империей в качестве военного бастиона для охраны своей территории от захвативших Пиренейский полуостров мусульман, провозгласила независимость от империи. Позднее, в 1164

чели за пределами Каталонии до тех пор, пока не падет диктатура Франко.

[3] «Я каталонец. Сегодня Каталония – это всего лишь одна из провинций Испании. Но чем была Каталония когда-то? Каталония была величайшей нацией мира. И скажу вам, почему. Именно в Каталонии появился первый парламент, задолго до английского. В Каталонии возникли первые Объединенные Нации. В XI веке все власти Каталонии встречались в одном городе Франции, в те времена принадлежавшем Каталонии, чтобы поговорить о мире. В XI веке!Я уже много лет не играл на виолончели на публике, но чувствую, сейчас пришло время снова сыграть. Я исполню мелодию из каталонского фольклора «Песнь птиц». Птицы поют, когда они в небе. Они поют «Мир, мир, мир», и этой мелодией восхищались, ее любили Бах, Бетховен и другие великие композиторы. Но что еще важнее, она родилась в душе моего народа, каталонцев».

г., она присоединилась к соседнему королевству Арагон, что привело к расцвету каталонской нации. В течение нескольких последующих столетий Каталония становится одним из главных регионов в Европе, великой морской империей, владения которой простираются по всему Западному Средиземноморью, включая Валенсию, Балеарские острова, Сицилию, Корсику, Сардинию, где до сих пор сохраняется каталанский язык, а также Неаполь. Именно на территории Каталонии в этот период возникает войско, признанное лучшей пехотой мира, – альмогавары[4].

В 1410 г. происходит объединение Каталонии с Кастилией, и с этого момента начинается упадок каталонской нации. Каталонию ждет судьба области, зажатой между двумя крупными государствами, образовавшимися в XV столетии, что приводит к постепенному территориальному поглощению страны могущественными соседями, кульминационной точкой которого становится отделение испанской Каталонии на юге от французской Каталонии на севере. Этот губительный для нации процесс завершается в XVII в. упразднением органов самоуправления, а Война за испанское наследство, закончившаяся в 1714 г. осадой и взятием Барселоны королевскими войсками, стала для каталонцев национальным поражением. После падения Барселоны была отменена ката-

---

[4] *Альмогавары* – лёгкая пехота, прославившаяся во время христианской реконкисты Пиренеев, самая сильная часть христианской армии: благодаря своей дисциплине и бесстрашию аль-могавары на равных боролись с тяжёлой конницей противника.

лонская конституция, закрыты каталонские университеты и запрещено официальное использование каталанского языка.

В последней трети XIX столетия в Каталонии начинается этап возрождения каталонских национальных ценностей (так называемая Ренашенса) и попытка восстановления утраченных институтов самоуправления. Этот период продолжается до 1923 г., когда в стране устанавливается диктатура генерала Примо де Риверы, занимавшего позицию откровенного испанского национализма и великодержавности. Упразднив все органы каталонского самоуправления, испанское государство не только налагает строжайший запрет на любое проявление политической самостоятельности, но и ставит перед собой цель разрушения и уничтожения каталонской идентичности, прежде всего через грубейшие нападки на язык: как преподавание каталанского языка, так и его использование в публичных актах находятся под категорическим запретом. И эта ситуация продлится практически вплоть до смерти другого диктатора, генерала Франко, последовавшей в 1977 г., с небольшим перерывом на республиканский период (1932–1939), завершившийся гражданской войной и победой фашистов. Именно в такой обстановке вырос я: ни в детстве, ни в юности я не имел возможности получить никакого образования на каталанском языке, кроме подпольного и домашнего.

Начиная с 1977 г., когда после смерти Франко в стране произошли демократические преобразования, испанская

Каталония приступила к процессу возрождения утраченных ценностей, что постепенно стало вызывать серьезные опасения федерального правительства и в конечном итоге привело в 2010 г. к ограничению Автономного статута Каталонии. Многие каталонцы расценили такое решение как оскорбительное, отнимающее у них право на самоопределение и попирающее национальное достоинство. В июле 2010 г. в Барселоне состоялась самая массовая мирная демонстрация в истории Каталонии: на улицы вышло более миллиона людей, требующих признания каталонской независимости. Начался процесс попытки отделения от Испании, совпавший с серьезным экономическим кризисом; результаты этого процесса в настоящий момент представляются весьма неопределенными. Однако совершенно очевидно, что демократические преобразования, проводимые внутри монархии, навязанной самим же генералом Франко, явились скорее механизмом сохранения старой Испании в соответствии со знаменитым изречением Лампедузы («Все должно измениться, чтобы все осталось по-старому»)[5], нежели подлинным демократическим обновлением.

---

[5] Томази ди Лампедуза, Джузеппе (1896–1957), «Леопард» (1957), гл. 1. Афоризм является перефразировкой изречения французского журналиста Альфонса Карра: «Чем больше все меняется, тем больше все остается по-старому» («Осы», 1849).

2. Литературный контекст

Каталонская литература начинается во второй половине XII в. с религиозных текстов и поэзии трубадуров, процветавшей на каталонских землях в XII–XIII вв. **Гильем де Бергеда** и **Сервери Жиронский** являются наиболее значительными представителями трубадурской поэзии Каталонии. Однако истинную славу каталонской культуры составляют три великие фигуры литературы Средневековья: Рамон Льюль, Аузиас Марк и Жуанот Марторель. **Рамон Льюль** (1232–1315) – одна из наиболее значительных и крупных личностей средневекового европейского мира и первый мыслитель, писавший философские трактаты на романском языке. В своих научных и литературных произведениях Льюль заложил основы национального литературного языка. Вторая выдающаяся фигура – **Аузиас Марк** (1397–1459), крупнейший каталонский поэт уровня и величия Данте, творивший в блестящую эпоху XV столетия, открывшего двери европейскому Возрождению. Это поэт, который окончательно порывает с провансальским влиянием и феодальной культурой и возводит любовную поэзию до вершин моральной и духовной значительности, сохраняя в ней при этом исконно земную силу. Наконец, **Жуанот Марторель** – писатель, создавший в середине XV в. роман «Тирант Белый», произведение, ознаменовавшее собой важнейший рубеж в развитии

европейской прозы: недаром уже в XVII в. в 6-й главе I тома «Дон Кихота» Сервантес называет роман Марторeля «лучшей книгой в мире».

В XVI–XVIII вв., на фоне блестящего расцвета литературы в Испании и Франции, в Каталонии происходит политический и культурный упадок, завершившийся, как было сказано выше, окончательным упразднением автономии и попранием национальных культурных ценностей. На протяжении нескольких столетий каталонская культура всячески подавлялась, насильственно насаждались кастильский язык и культура. Преодолеть глубочайший кризис каталонской культуре удается лишь к середине XIX столетия, с началом важнейшего этапа в ее истории, получившего название Ренашенса (Возрождение), когда Каталония вновь обретает свой культурный пульс, а каталанский язык снова дарит миру фигуры первой величины.

По-настоящему удивительна та быстрота, с которой нашей культуре удается преодолеть пропасть «потерянных» столетий, что со всей очевидностью демонстрирует жизнеспособность языка, подобно мощному потоку грунтовых вод упорно проторяющего себе путь под политической пустошью. На мой взгляд, для понимания огромного усилия, совершенного деятелями каталонской культуры в поисках утраченного времени, весьма выразительным, хотя и неоднозначным, могло бы быть сравнение с английской и русской литературами: первыми авторами, творчество которых озна-

меновало собой наступление эпохи каталонского возрождения были поэты **Жасинт Вердагэ** (1845–1902), сыгравший роль первопроходца, как Уолт Уитмен или Пушкин, и **Жуан Марагаль** (1860–1911), ставший нашим Томасом Харди. Русский эквивалент подобрать сложнее, но я, пожалуй, склоняюсь к такому прозаику, как Чехов. Как и великий английский поэт на своем языке, Марагаль переносит каталонскую поэзию из XIX столетия в XX. Поэт **Жузеп Карнэ** (1884–1970) – это своего рода Джон Бетжемен или Валерий Брюсов, **Карлес Риба** (1893–1959) вполне мог бы взять на себя роль одновременно Николая Гумилева и Осипа Мандельштама, а в какой-то степени и каталонского Томаса Стернза Элиота, только гораздо менее авангардного, **Жуан Салват-Папасейт** (1894–1924) мог бы быть нашим Рупертом Бруком и одновременно Владимиром Маяковским. Наконец, **Жузеп Висенс Фош** (1893–1987) занял бы нишу Эзры Паунда и в определенной степени Бориса Пастернака периода увлечения символизмом.

На протяжении сорока тяжелейших лет франкистской диктатуры, наступившей после поражения республики в гражданской войне, все, что касалось национальных каталонских институтов, языка и культуры, подавлялось самым жестоким образом. Однако мрачной фашистской Испании, вышедшей победительницей в братоубийственной схватке, не удалось уничтожить национальное самосознание каталонского народа: культурный импульс Ренашенсы, вопреки всем

в высшей степени неблагоприятным условиям этого периода, продолжал оказывать влияние на литературную действительность Каталонии. Каталонская поэзия отнюдь не пришла в упадок, как можно было бы предположить, а напротив, оказалась удивительно жизнеспособной; более того, в ней возникли фигуры поистине глобального масштаба, способствовавшие ее окончательному возрождению. Основными поэтами, внесшими свою неоценимую лепту в литературный процесс того времени, помимо Карлеса Рибы и Ж. **В.** Фоша, которые продолжали творить, были **Салвадор Эсприу (1913–1985),** творчество которого исполнено суровой силы Филипа Ларкина или Анны Ахматовой периода «Реквиема», **Жуан Виньоли (1914–1984),** которого можно сравнить с такими фигурами, как Роберт Грейвс или Марина Цветаева, **Габриэл Ферратэ (1922–1972),** чье творчество напоминает нам Шемаса Хини, возможно, с некоторыми отголосками поэзии Эдгара Ли Мастерса или Сергея Есенина.

С Габриэла Ферратэ, Сальвадора Эсприу, Жуана Виньоли и Микела Марти-и-Пола начинается поколение поэтов, родившихся в XX столетии, однако еще до гражданской войны; их детство прошло под знаком раскола общества и братоубийственной бойни. Остальных авторов, представленных в настоящей антологии, мы можем назвать современными поэтами; за исключением **Марии Мерсэ Марсал** и **Микела Бауса,** ушедших из жизни достаточно молодыми, они здравствуют поныне. Это поэты, которые сначала росли в

послевоенном мире жесточайших франкистских репрессий, мрачном, закрытом, полицейском государстве, а затем жили в условиях диктатуры, которая, надо сказать, так до конца и не изжила себя в нашем, ныне демократическом, обществе. Все эти поэты, как, впрочем, это происходит во всем мире, сотворили себя сами, выбрав по своему вкусу то или иное из творческих направлений, предлагаемых мировой поэтической традицией. Если мне будет позволено личностное сравнение, то я как поэт ощущаю себя современником испанца Франсиско Бринеса, американца Филипа Левайна или русских Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной и Иосифа Бродского. И вряд ли я смогу сказать, каким поэтам я в большей степени обязан своим литературным формированием и поэтической жизнью: Жуану

Марагалю и Жуану Виньоли, творившим на моем родном языке, Томасу Харди и Филипу Ларкину, писавшим на английском, или же русским Анне Ахматовой, Евгению Евтушенко…, а может быть, тому стихотворению Владимира Маяковского, которое я с юности ношу в своем сердце: «Товарищу Нетте, пароходу и человеку».

Сайт Жует Десеерн, январь 2014 г.

Ж. Маргарит

XII–XV века

XII–XV века

Беренгер де Палоу

«Мне любы веселье и пенье…»

I

Мне любы веселье и пенье,
и радость быть с дамой моей,
которая мне всех милей,
с которой познал упоенье;
она обладает ключами
от дивных сокровищ – сей клад
надежные стражи хранят.

II

Поистине мне – наслажденье
вассалом быть, преданным ей,
внимать сладким звукам речей,
любое исполню веленье,
чтоб только угодным быть даме;

но встречу неласковый взгляд, —
и жизни уже я не рад.

III

В каком бы я ни был смятенье,
спешу к своей даме скорей,
увижу ее – и сильней
я к ней ощущаю влеченье,
ее прославляю стихами,
она – идеал, и навряд
меня в льстивой лжи обвинят.

IV

Прекрасна она, без сомненья,
всех женщин стройней и нежней,
учтивей, скромней и умней,
я страсти смирил нетерпенье,
ее упиваясь речами,
коль с ней я расстался, – закат
и ночь мне о ней говорят.

V

Услышьте мое откровенье,
подруга, что мне всех нужней:
в любви признаваясь своей,
не верю в свое пораженье,
а верю: любим буду вами,
меня, что к вам страстью объят,
одарите счастьем стократ.

«Ах, дама прекрасна лицом…»

I

Ах, дама прекрасна лицом,
прекрасней не сыщется стана,
а голос звенит ручейком,
прельщающим нас постоянно,
когда бы мольбам моим внять захотела,
то сердцем моим навсегда б завладела,
но я ведь, увы, убеждался не раз,
что страсти огонь в ее сердце погас.

II

Любви ей язык не знаком,
хотя и поем неустанно
мы все ей о чувстве своем;
да, ведомо нам безобманно:
не любит она; но настолько умело
скрывает бесстрастность свою, что всецело
мы – слуги ее, и отрадой для нас —
уйдя от нее, к ней вернуться тотчас.

Гильем де Кабестань

«Когда впервые вас я увидал…»

Когда впервые вас я увидал,
то, благосклонным взглядом награжден,
я больше ничего не возжелал,
как вам служить – прекраснейшей из донн.
Вы, Донна, мне одна желанной стали.
Ваш милый смех и глаз лучистый свет
меня забыть заставили весь свет.
и, голосом, звенящим, как кристалл,
и прелестью бесед обворожен,
С тех самых пор я ваш навеки стал,
и ваша воля – для меня закон.
Чтоб вам почет повсюду воздавали,
лишь вы одна – похвал моих предмет.
Моей любви верней и глубже нет.
Я к вам такой любовью воспылал,
что навсегда возможности лишен
любить других. Я их порой искал,
чтоб заглушить своей печали стон,
едва, однако, в памяти вы встали,
и я, в разгар веселья и бесед,
смолкаю, думой нежною согрет.

Не позабуду, как я отдавал
перед разлукой низкий вам поклон,—
одно словцо от вас я услыхал —
и в горе был надеждой окрылен.
И вот, когда доймут меня печали,
порою радость им идет вослед.
Ужели ей положите запрет?
Снося обиду, я не унывал,
а веровал, любовью умудрен:
чем больше я страдал и тосковал,
тем больше буду вами награжден.
Да, есть отрада и в самой печали…
Когда, бывает, долго счастья нет,
уменье ждать – вот весь его секрет.
Ах, если б другом вы меня назвали!
Так затрепещет сердце вам в ответ,
что вмиг исчезнет всех страданий след.

«Я сердцем таю…»

Я сердцем таю,
забыв весь мир порой,
воображаю
вас, Донна, пред собой.
Стихи слагаю
я только вам одной,
изнемогаю,

томим своей мечтой.
Как от любви бежать?
Где б ни укрылся, глядь,
любовь уже опять
мной овладеть готова.
Отверженный сурово,
вновь стану воспевать
ваш нрав, красу и стать.
Я почитаю
любви завет святой,
не уступаю
я прихоти пустой,
о вас мечтаю,
не нужно мне другой.
И счастье знаю,
и одержим тоской.
О Донна, вам под стать
на свете не сыскать!
Так мог ли вам давать
я клятвы суеслова!
Нет, не забыть былого,
и невозможно снять
с себя любви печать.
Зачем другого
искать в чужих краях?
Блеск жемчуговый
в смеющихся устах,
груди шелковой
мерцанье при свечах —

все это снова
предстанет в светлых снах.
(Коль так я б верен был
Царю небесных сил,
меня б он в рай пустил…)
Всех донн других объятья
за ваш поклон отдать я
немедля бы решил —
так ласков он и мил.
Дня прожитого
не помню, чтоб во прах
не падал снова
пред вами я в мечтах.
Одно бы слово,
чтоб я по вас не чах!
Огня б живого,
любви у вас в очах!
Ужель за весь свой пыл
ее не заслужил?
А иначе бы жил —
немало, как собратья,
даров бы мог собрать я.
О них я не тужил:
ваш дар меня манил.
чтобы страдать я
не стал еще сильней,
чтоб мог стяжать я
награду стольких дней,
к вам шлю заклятье —

мольбу любви моей.
Пусть без изъятья
вы всех вокруг щедрей,
но, Донна, буду рад
одной лишь из наград,
она мне во сто крат
других даров дороже.
А коль желанья тоже
и вас ко мне стремят,
блаженству нет преград!
Могу ль не знать я,
кто в мире всех милей!
Могу воздать я
и славу только ей.
Лицеприятья
нет в похвале моей.
Нет вероятья,
чтоб стал я холодней.
Дары волхвов назад
я все верну подряд —
пусть только подарят
мне дар, ни с чем не схожий:
пусть, этой нежной кожи
впивая аромат,
уста мои горят!
Касаясь нежной кожи
и поцелуи множа,
о милая, чего же
уста не посулят —

и правду возвестят!
Раймон! Ну до чего же
я духом стал богат,
вкусив любви услад!

«Как тот, чей взор в листве густой…»

Как тот, чей взор в листве густой
приметил нежный вешний цвет,
не дрогнув перед высотой,
рву розу, коей краше нет.
Сумел Господь столь безупречной
ее красою наделить,
что подобает ей служить
смиренно в жизни быстротечной.

Весельем полон и тоской,
влюблен в очей чистейший свет,
неверной, трепетной рукой
с ланит стираю влажный след.
За это благодарный вечно,
готов любовь свою таить:
ведь тем, что надобно хранить,
не завладеет первый встречный.

За правду я стою горой,
мне лесть претит и злой навет:

весельчака сразит стрелой
любовь, и знает целый свет,
что та стрела бесчеловечно
любому может грудь пронзить,
но также к жизни пробудить
от дрёмы легкой и беспечной.

Ах, сжалилась бы надо мной,
нарушив строгости обет,
чтоб я душе моей больной
признанием убавил бед.
Ведь муки длятся бесконечно,
раз я решился полюбить
ту, что сумела всех затмить
от гор до области заречной.

В высокой башне, за стеной, —
звезда, что ярче всех комет.
Бог сотворил ее такой,
и для любого не секрет —
она прекрасней всех, конечно, —
так всякий станет говорить,
ну, разве сможет возразить
калека, зрением увечный.

Возвышен так душевный строй,
изыскан так ее привет,
что мне, ей-ей, любви другой
не нужно до скончанья лет.

Дано ей в жизни скоротечной
мир доброй волей одарить
и благолепьем усмирить
злоречья гомон бессердечный.

«Сладостно-злая грусть, что Амор мне дал…»

Сладостно-злая
грусть, что Амор мне дал,
жжет, заставляя
песней унять накал
страсти: пылая,
я б вас в объятьях сжал,
но, столь желая,
я вас лишь созерцал.
Что ж, я в ваших руках;
видя гневный их взмах,
превращаюсь я в прах,
так как верен обету;
к вам стремлюсь, будто к свету,
я, блуждая впотьмах;
вас я славлю в стихах.

Пусть, гнев являя,
Амор вас охранял,

премного зла я
из-за него приял,
радость былая
ушла, я грустен, шал:
любви желая,
от ее плачу жал.
От любви я исчах,
с вами я нежен в снах,
наяву ж – не в ладах,
напоказ всему свету.
За какую монету
Вы мой примете страх?
Ибо я вновь в бегах.

Эскиз к портрету
я набросать хотел:
улыбку эту,
стан, что строен и бел.
когда б воспету
мной, как воспеть я смел
вас, быть завету
с Богом – в раю б я пел!
Вам я служить готов
ради десятка слов;
мне дареных платков
не храню, не ищите!
Нет во мне прежней прыти,
нежных дам тщетен зов.
Мой алтарь – ваш альков.

Я рад рассвету:
едва он заалел,
любви примету
я в нем найти успел;
не вняв запрету,
я пал, лишь вас узрел;
увы, поэту
любить – один удел.
Неприветлив ваш кров,
нрав ваш тверд и суров,
я лишен всех даров:
что ж, кто может – берите!
Только мне разрешите
ждать, что дрогнет засов,
коль мой жребий таков.

Тоскою рвите
сердце мне пополам,
но в дом впустите
Амора – пусть он сам
в тайном укрытье
возведет себе храм;
слух свой склоните
к слезным моим мольбам.
Причиняя мне вред,
злом вы полните свет;
коль одну из бесед
вы б вели с прямотою,

молвив, чего я стою,
любите вы иль нет,
я б не ждал столько лет.

Я слаб в защите —
крепость без боя сдам;
милость явите —
честь будет призом вам;
знать не велите
зависти к королям:
быть в вашей свите
мне приятней, чем там.
Коль пошлете мне вслед
лишь прохладный привет,
им я буду согрет.
Ах, любви полнотою
душу мою – пустою
оставлять вам не след.
Что ни жест, то запрет!

Пусть ваш ответ – запрет,
вас считаю святою
и стремлюсь со тщетою
свой исполнить обет,
худших не чая бед.

Ах, Раймон, красотою
в рабство взят ваш сосед,
жертва ее побед.

Гильем де Бергеда

«Ласточка, ты ведь мне спать не даешь…»

– Ласточка, ты ведь мне спать не даешь —
хлопаешь крыльями, громко поешь!
Донну свою, за Жирондой-рекою,
зря прозывал я *Надеждой Живою*, —
не до тебя мне! Чтó песенка эта
бедному сердцу, чья песенка спета!

– Добрый сеньор! Вы послушайте всё ж
то, что давно мне сказать невтерпеж:
к вам я ведь послана Донной самою:
будь, мол, я тоже касаткой ручною,
я бы слетала к нему на край света.
Верен ли мне? Ведь ни слова привета!

– Ласточка! Сколь же я был нехорош!
Встретил ворчаньем, а ты мне несешь
радость нежданною с песней лесною.
Всё же прости, хоть прощенья не стою.
Милостью Божьей да будешь согрета,
милая вестница счастья и света!

– Добрый сеньор! Где же силы найдешь
Донны ослушаться: всюду, мол, сплошь
ты побывай и, любою ценою,
другу напомни про данное мною —
перстень заветный, застежку колета
и поцелуй в подкрепленье обета.

– Ласточка! Донне известно давно ж:
мне ненавистны измена и ложь!
Но короля не оставлю – весною
с ним на Тулузу идем мы войною.
Я у Гаронны, в лугах ее где-то,
насмерть сражаться готов без завета.

– Добрый сеньор! Храбреца не запрешь
даже у Донны в светелке. Ну что ж!
С Богом, воюйте! Но не успокою
Донну я вестью досадной такою!
Гневаться будет, – а перышки мне-то
после отращивать целое лето…

«Эта песенка на грани…»

I

Эта песенка на грани
острословия и брани
(сочинял – перо изгрыз)
о Маркизе Матаплане,
что коварен, словно лис.
Ах, Маркиз, Маркиз, Маркиз,
вы коварны, словно лис.

II

Под Сомейрасом зубами
состязались вы с камнями,
да они не поддались;
этот подвиг в Божьем храме
повторить бы вам на бис.
Ах, Маркиз, Маркиз, Маркиз,
вы коварны, словно лис.

III

Не рука у вас, а балка,
за нее и грош дать жалко;
хоть в лепешку расшибись,
не сгибается хваталка,
только тяжко тянет вниз.
Ах, Маркиз, Маркиз, Маркиз,
вы коварны, словно лис.

IV

Коль вам кто-то доверяет,
тот, скажу, с огнем играет, —
многие ведь обожглись;
тот, с кем днем вы обнялись.
Ах, Маркиз, Маркиз, Маркиз,
вы коварны, словно лис.

V

И того проклясть бы надо,
кто кричит: мол, мне услада —
содомитский ваш каприз, —
ибо веры нашей чада
от распутства отреклись.
Ах, Маркиз, Маркиз, Маркиз,
вы коварны, словно лис.

«Вы падки, государь, на наслажденья…»

Вы падки, государь, на наслажденья,
любителем чужих прослыли жен.
Признайте же все ваши согрешенья —
быть может, будет ваш порок прощен.
Всем очевидна истина простая,
что если ныне женщина иная
полюбит вас – то с целью лишь одной:
обогатиться вашею казной.

И тысячею марок, без сомнения,
родитель ваш бы не был соблазнен —
не взял бы он маркизу в окруженье,
чтоб увести несчастную в полон,
порочным побужденьям потакая.
Сибиллу ожидала доля злая:
Раймон Тимур сказал, что даме той —
коль не солгал – не справиться с тоской.

Свое теперь я выскажу вам мненье,
король, что посрамлен и пристыжен!
Графини де Безье вам подношенье —
сто замков, и при каждом есть донжон.
Судьбина и ее ждала лихая:
бедняжка, вам всецело доверяя,
доверивши вам весь достаток свой,
чуть было не столкнулась с нищетой.

Король Кастильский окружен почтеньем
и добродетелями наделен.
Своим войскам отдайте повеленье,
о, государь, сойтись под сень знамен,
графине бескорыстно помогая.
Пусть лихоимцев разбежится стая,
что замок осаждает родовой,
лелея замысел преступный свой.

Тулузский граф, вас ждет любовь большая,
коль явитесь, маркизу защищая.
Верните ей утраченный покой,
раз любите ее вы всей душой.

На смерть Понса де Матаплана

I

В кручине я, в слезах,
известьем поражен:
мой друг и мой патрон,
маркиз де Матаплана,
в сраженье умерщвлен —
из сердца рвется стон.
Отпет во всех церквах,
он в наших чтим краях
и мир покинул рано.

II

Все в горе и скорбях —
да, был учтив, умен
и честью наделен
маркиз де Матаплана.
Отваги не лишен,
он сдаться мог в полон —

но, доблестный в боях,
повержен был во прах
он саблей басурмана.

III

На деле, не в мечтах,
на небо вознесен
и зрит Господень трон
маркиз де Матаплана.
Он чтил Христов закон —
и будет он прощен,
как праведный монах
в спасительных стенах —
хоть не имел он сана.

IV

Я каюсь во грехах —
ведь мною оскорблен
и, верно, возмущен
был Понс де Матаплана.
В последней схватке он
мной был бы защищен

когда б не подлый страх,
что встал в моих глазах,
как облако тумана.

V

Велик во всех делах,
хоть мною огорчен.
Немало я смущен,
о, Понс де Матаплана!
Ваш гений оценен —
им каждый восхищен.
Мне ведом ваш размах,
и нет в моих словах
ни лести, ни обмана.

Герау де Кабрера

Наставление
(фрагменты)

I

О, Кабра-жоглар,
ничтожен твой дар,
манеры дурны, позаимствован тон;
ты песни слагай,
но ум напрягай,
своим вдохновением будь окрылён.

II

Ты скверный певец
и скверный игрец,
ты плох, как я думаю, с многих сторон:
скрипит твой смычок,

хрипит твой басок,
в бретонских руладах ты просто смешон.

III

Учитель твой мил,
но, как ни учил,
уменью жогларскому ты не учён —
ни беглости рук,
ни редкостных штук,
и в танцах гасконских ты полный долдон.

IV

Не знаешь баллад,
кансон, серенад —
они для тебя, как несбыточный сон;
бездарны стихи
и шутки плохи,
изюминки нет ни в одной из тенсон.

V

Известен тебе ль
искусник Рюдель?
Напев его свеж, и язык обновлён.
Велик Маркабрюн
гармонией струн,
а ты слышал звон, да не знаешь, где он.

VI

И где тебе, друг,
вкусить от наук,
когда ты видал лишь родной небосклон?
Великий наш Карл
геройством сверкал,
но что тебе песнь стародавних времён?

VII

А я одолел

гористый предел,
к испанцам пришёл, не страшился препон,
узрел Ронсеваль,
где бранная сталь
бойцам нанесла жесточайший урон.

VIII

Двенадцать бойцов
от вражеских ков
погибли, их предал злодей Гвенелон,
и сотню других
бойцов удалых
забрал вероломный Марсилий в полон.

IX

Не знаешь ты их,
деяний былых —
ни старых преданий, ни новых кансон;
уж лучше платок
накинь на роток,
молчок – твоя лучшая песнь, убеждён!

X

Не знаешь, профан,
чем славен Роллан,
как будто он не был вовеки рождён;
и кем был Артур —
ты пуст, балагур,
ты словно бы вышел вчера из пелён.

……

XVI

О чём пел Давид,
чья арфа гремит,
городишь ты вздор, и не будешь прощён;
а сколько вранья
наслушался я
про Рим, что спалил император Нерон!

……

XXI

Толкуешь ты нам —
а мне был бы срам! —
как некогда был погублён Илион;
Ай, славный знаток —
всё спутал, что мог,
изрядный ты путаник, из ряду вон!

……

XVIII

О чём ты поёшь,
и сам не поймёшь —
и где тебе петь, как Овидий Назон,
про то, как Пирам
молился богам,
от любящей Тисбы стеной отделён!

……

XXXI

Ни слух усладить,
ни речь возгласить —
нет, Кабра, плохой из тебя Цицерон;
ступай-ка, глупец,
в загон для овец —
там, Кабра, и кнут для тебя припасён.

Понс д'Ортафа

«В неразумии своем я страдаю, как в бреду…»

I

В неразумии своем
я страдаю, как в бреду.
Кто я? Где? Куда бреду?
Ночью мучаюсь и днем.
То надежда, то тревога,
то мне зябко, то тепло,
жизнь и смерть, добро и зло —
мало мне всего и много.

II

Я в отчаяньи таком,
что с собою не в ладу;

я к отшельникам уйду,
я покину отчий дом.
Прогнала меня с порога
та, к которой так влекло, —
но, предательствам назло,
только к ней ведет дорога.

III

Счастье быть всегда вдвоем
я с любимой не найду:
рядом с ней терплю беду,
рядом с ней горю огнем!
В чем лекарство? Где подмога?
Как на сердце тяжело!
Все темней ее чело,
не найти любви предлога.

IV

Столько боли – но при том
да сгорю я, как в аду,
да в нужду навек впаду,
если с кем сойдусь тайком.

Я не вынесу подлога,
только с нею мне светло —
только ей мое тепло,
красота и сила слога!

V

Я мечтаю об одном:
жить с любезной, как в меду, —
так в блаженстве проведу
жизнь, к которой я влеком.
О, покайся, недотрога,
чтоб от сердца отлегло,
чтобы счастье нас вело
до последнего итога!

Рамон Видаль де Безалу

Суд любви
(фрагмент)

В веселые былые времена,
когда любовь, правдива и верна,
и вежество цвели, не то, что ныне,
в Эскойле, в достославном Лимузине
жил рыцарь смелый и собой приятный,
чистосердечный и к тому же знатный;
во всех делах ждала его удача —
но имени вам не скажу; тем паче,
что сам его не знаю, ей-же-ей,
поскольку он на родине своей
ни титула не приобрел, ни званья,
вполне простительно мое незнанье.
Ни графом не был он, ни королем,
о коих слух разносится кругом.
Был замок у него, земли кусок —
но, сердцем благороден и высок,
стремился он исправить положенье,
и было во все дни ему везенье,
что б он ни делал, как я погляжу:
везде – удача. Что еще скажу?

Да, так возвысился тот рыцарь смелый
и в ратном деле донельзя умелый,
служивший честно, преданно и верно,
что в тыщу раз и более, наверно,
его ценили, чем иных графьев;
а он же, во главе своих полков,
охотно шел в кровавое сраженье,
чтоб с честью выполнить свое служенье.
Тот добрый рыцарь так известен стал,
что всяк его любил и привечал,
барон ли, граф, иль пэр любого званья —
всяк звал его на пир и на ристанье,
себе повсюду ровней почитая.
И вот, в те времена, припоминаю,
когда наш рыцарь начал путь к вершине,
жила одна сеньора в Лимузине,
была и благородной, и пригожей,
и замужем за тамошним вельможей,
который в оба за женой глядел.
И все-таки наш рыцарь осмелел
и полюбил ее любовью знатной.
а даме это было так приятно,
такую пылкость в нем она нашла,
что родовитостью пренебрегла
и не сочла любовь сию позорной.
Как говорил Бернарт из Вентадорна:
«В любви блага земные не подмога».
Так, что когда наш рыцарь понемногу
уверился в сей склонности сердечной,

уже не вел себя, как встарь, беспечно,
зато заметно он повеселел,
вознесся духом, ликом посветлел,
себя на дерзкие свершенья подвигая:
чураясь подлых дел, любовь благая
за подвиги дается и служенье.
И дама, если есть в ней разуменье,
и опыт жизненный, и ухищренье,
могла бы впасть в такое заблужденье,
быть столь упрямой, чтобы заиметь
такого рыцаря, чтоб он не мог посметь
являться ко дворам высоким самым?
Вам ведомо ль, как рыцарь ради дамы
хранит пыл юности до седины?
Когда его достоинства видны,
когда он сердцем чист, и мудр, и прям.
Да, то – урок для благородных дам:
когда приметны смелость, ум и стать,
любовь благая будет прирастать.
Отважный рыцарь свой возвысит род,
а подлый трус – совсем наоборот:
ведь низости с отвагой не ужиться,
удача же к отважному стремится,
к тем, кто великодушен и не глуп,
и избегает тех, кто сердцем скуп,
чему примером не один барон.
Вот потому и молвил Пердигон:
«О благородстве знаю лишь одно:
кто чтит его, тому оно дано».

Вот вам наиправдивейший пример.
Поэтому достойный кавалер,
начавши куртуазное служенье,
когда у дамы выше положенье,
когда она богаче и знатней,
во всем старается сравняться с ней.
Чтоб был не только зван, но и избран,
он не стоит пред ней, как истукан,
безмолвный, разодетый в пух и прах,
но в бой идет, врагам внушая страх,
отважно бьется, не жалея сил, —
как некогда Рамбаут говорил —
послушайте, вам то прибавит знанья:
«Для госпожи готов я на дерзанье,
и на смиренье, и на упованье,
но если б не любовное призванье,
я бы навек застыл, как изваянье,
и ни к чему б не прилагал старанье —
лишь ел, и пил, и избегал страданья,
всегда храня Рамбаута прозванье».
Наш рыцарь, не стремясь иметь прозванье
Рамбаута, взял имя Добромил;
а госпожа, чтобы умерить пыл
тех, кто готов судить, рядить, гадать,
сочла за благо рыцаря призвать,
чтоб низких чувств не заподозрил свет —
беда, коли у знатной дамы нет
молвою признанного кавалера.
Когда к моим словам у вас нет веры,

послушайте, что Мираваль сказал,
который более Париса знал
в любови толк и разрешал все споры:
«Зачем, скажите, выберет сеньора
того, кто верный, честный, не спесивый?
Из страха пред молвою злоречивой,
стремясь всецело избежать позора
и честь свою вовек не потерять,
любовь благую дама предпочтет,
а в ней никто такого не найдет,
на что бы можно было попенять».
Вот так, я мыслю, можно избежать
наветов, сплетен и поносных слов.
Прошло уж более семи годов
с тех пор, как дама рыцаря призвала
и всюду благосклонно принимала.
Наш рыцарь это истинно ценил
и в знак служения всегда носил
рукав, колечко, разные даренья.
Однажды в день Святого Воскресенья
отправился тот рыцарь, как обычно,
сеньоре нанести визит привычный,
и к ней домой, как следует, пришел.
Вы полагаете, что там нашел
он ласку, и улыбку, и привет?
Так вот: вы правы, и ошибки нет:
никто с сеньорой в этом не сравнился.
А рыцарь наш, как только объявился,
уселся тотчас с госпожою рядом,

и было видеть их – отрада взглядам,
и душам праведным – отдохновенье.
Но рыцарь, вовсе потеряв терпенье,
задумался, без меры исступленный,
и речью куртуазной и ученой
поведал, сколь неистов страсти пыл,
сколь долго верность даме он хранил,
сколь долго ей служил, и пусть она
теперь ему за все воздаст сполна:
ведь нынче у него не только честь,
но и имение, и знатность есть;
он, к ней стремясь, возвысился на диво —
так вот, не будет разве справедливо
унять его любовное томленье:
он в этом не находит прегрешенья;
не похоть тут, но верная любовь,
и ей ты, госпожа, не прекословь:
в высокой страсти не бывает зла,
куда бы нас она ни завела;
ведь говорят старинные преданья,
что нет на свете большего страданья,
чем ждать и ждать, надежду потеряв.
Тут дама обнаружила свой нрав,
промолвив горделиво и сурово:
«О Боже мой, я пожалеть готова,
что некогда к тому склонила взор,
кто нынче стыд сулит мне и позор!
Какое горе вы мне причинили!
Вам мало, что друг друга мы любили

и преданно, и нежно, и светло?
Сама себе я причинила зло,
оставив ради вас избранных круг —
так и Бернарт промолвил, верный друг:
«Кто я таков, не знаю; в этом – благо»;
любовь и честь дает нам, и отвагу».

Сервери Жиронский

Дорожная песенка

Не живите с вашим мужем,
милая Жанна!

I

Не живите с вашим мужем —
староват он и недужен,
милая Жанна!

II

Не живите больше с мужем —
он осла дурного хуже,
милая Жанна!

III

Не живите с глупым мужем —
он неверен вам к тому же,
милая Жанна!

IV

Не ложитесь больше с мужем —
он осла глупей и хуже,
милая Жанна!

V

Не ложитесь больше с мужем —
вам давно любовник нужен,
милая Жанна!

VI

Не ложитесь больше с мужем —
ваш дружок ничуть не хуже,
милая Жанна!

СТихи о палаче и шуте

I

Не нужно думать, что палач и шут
подобны и почти одно и то же!
Шуты нам всех милее и дороже —
кто скажет «нет», те попросту солгут.
Палач – дурной, его душонка злая,
а шут – святой, и он достоин рая.

II

Святой Генис по ремеслу был шут.

Имел он друга, чуть себя моложе.
И шут, и друг его, наверно, тоже
теперь в раю, где ангелы поют.
Шут всё отдаст – судьба его такая.
Палач зубаст – сожрет, не размышляя.

III

В Аррасе был подвижник – тоже шут,
известный нам – через него Ты тоже
чудес явил весьма немало, Боже!
Зато палач жестокосерден, лют,
милей всего злодею кровь людская,
он хоть кого убьет, не разбирая.

IV

Ведь Фивы спас от Александра шут —
а Александр иных царей был строже!
И если б не забавник-шут, то кто же
избавить мог бы покоренный люд?
О том молва гласит, не уставая;
она права, злодея порицая.

V

Преславный Даурель был тоже шут.
Он отдал сына на мученья, Боже!
Таких героев забывать негоже —
я перечислить многих мог бы тут.
Шут веселит, народу помогая,
палач казнит, злодейство совершая.

VI

Корысти нет во мне – ведь я не шут,
и у меня с шутом ничто не схоже.
Их ремесло я уважаю всё же —
и рыцари, и короли их чтут.
Скажу, как есть, хваленье завершая:
шутам и честь, и слава вековая!

«Между Леридой моей…»

I

Между Леридой моей
и Бельвисом тёк ручей,
повстречал я там пастушку,
пастушок разлёгся с ней
на лужайке меж лилей,
целовал дружок подружку;
и, любуясь на простушку,
я подумал про девчушку,
что в Кастилии, ей-ей,
не найти цветка милей,
как подстроить ей ловушку?

II

На овцу я бросил взгляд —
вижу, что её солдат
потихоньку умыкает;
я вскричал: – «Будь трижды клят!» —

Устыдился дерзкий хват
и с позором отступает,
в перебранку не вступает;
я же, как душа желает,
увожу овечку в сад
и тотчас бегу назад,
где пастушка отдыхает.

III

Воротясь, я в сей же миг
слышу безутешный крик:
– «Что за горе мне, злосчастной!
Ах, как мой урон велик!
Злой удел меня постиг!
Радость неги сладострастной
обернулась в час ненастный
этой горестью ужасной!
Не встречали ль меж гвоздик
вы овечку, где родник,
Сервери, сеньор мой ясный?»

IV

– «Дева милая, она
будет вам возвращена,
ну, а какова награда?»
– «За овечку я сполна
вам, сеньор, воздать должна,
вашей милой стать я рада,
коль нужда, смириться надо».
Привели овцу из сада,
а пастушка: – «Я вольна,
мне не по сердцу цена,
не про вас, сеньор, услада».

V

– «Стыд вам, дева, и позор
нарушать наш уговор».
– «Каюсь, я хитрила с вами,
так уж водится, сеньор,
вы, скажу я вам в укор,
сотню раз солгали сами;
я смеюсь над хитрецами!
Кто не счёлся в срок долгами,
тот не больно-то хитёр.
Мы умеем дать отпор,
нас не проведёшь словами».

VI

– «Дева, не делю я пламя
со строптивыми сердцами
и не лягу рядом с той,
что не хочет лечь со мной.
Но должок ещё за вами!»

VII

– «Вы играете правами,
лишь бы взять любой ценой,
теша умысел дурной.
Пусть рассудит казус мой
Пейре, наш инфант благой».

VIII

– «Я же доверяюсь даме,
Сверхдостойной и святой,
веря истине простой:

без любви с её дарами
нет услады никакой».

Эспингадура

I

Пусть ветер лют, и ливни льют,
мужчины сквозь дождь и ветер пройдут,
мужчины сквозь дождь и ветер пройдут.

Влюблённые все преграды пройдут,
пусть ветер лют, и ливни льют,
а следом и те, кого здесь не ждут,
пусть ветер лют, и ливни льют,
радушной встречи мужья не найдут,
их высмеют дамы и проведут,
пусть ветер лют, и ливни льют,
мужчины сквозь дождь и ветер пройдут,
мужчины сквозь дождь и ветер пройдут.

II

Дети резвятся и песни поют,
пусть ветер лют, и ливни льют,
бегут по лугам, где цветы цветут,
пусть ветер лют, и ливни льют,
цветы и птицы песни поют,
и птицы поют,
и птицы поют,
пусть ветер лют, и ливни льют,
мужчины сквозь дождь и ветер пройдут,
мужчины сквозь дождь и ветер пройдут.

III

Мне любо то, что они стерегут,
в доспехах идут,
а путь их крут.

IV

И я Сверхдостойную славлю тут,
и славу инфанту струны поют,
инфанту Пейре славу поют.

«Как тот, что долгий день провёл в скитанье…»

I

Как тот, что долгий день провёл в скитанье,
и вдруг его настигла тьма ночная,
и должен он идти сквозь мрак, не зная,
куда ступить, какие испытанья
он встретит, жить ему иль умереть —
так я бреду, и мочи нет терпеть,
когда покажется зари сиянье.

II

Увы – мне суждено в ночи блужданье!
С пути я сбился, а кругом лихая
лютует ночь; бреду, не разбирая,

что впереди; какие испытанья
мне суждено в ночи преодолеть?
Гроза ярится, хлещет ветра плеть —
зачем же медлишь ты, зари сиянье?

III

Та ночь, стеснившая моё дыханье, —
то наш обманный век, ловушка злая,
юдоль скорбей – вся наша жизнь земная:
так говорит Священное Писанье.
Дитя, рождаясь в мир, дабы скорбеть,
исходит криком. Боже, дай узреть
мне верный путь! Даруй зари сиянье!

IV

К возлюбленной подруге на свиданье
не прихожу во мраке никогда я,
отверг я мрак, лишь свету доверяя,
при нём бессильны тёмные деянья;
моя подруга ныне, как и впредь,
не станет перед клеветой робеть.
Кляну я ночь, люблю зари сиянье.

V

Иной любовник видит наказанье
в приходе утра; страстию пылая,
он жаждет ночи без конца и края
и новый день встречает гневной бранью.
А мне во тьме услады не иметь,
и сердца даже страстью не согреть,
и жду я не дождусь зари сиянья.

VI

О, донна, ты – зари обетованье,
ты нас ведёшь к добру, звездой блистая,
хвалою освящу свои уста я,
природной красоте посильной данью;
столь совершенна, какова ты есть,
ты для супруга радость, гордость, честь,
опора истины – зари сиянье.

VII

Хочу заре я песней порадеть —
ведь без неё и дню не заалеть,
не встанет солнце без её сиянья.

VIII

Хочу я короля Майорки петь,
чьим доблестным делам в веках греметь —
служа ему, пою зари сиянье.

Арнаут Каталан

«Я в Ломбардии, бывало…»

Я в Ломбардии, бывало,
к милой сердцу приходил —
Донна ласково встречала,
словно я ей тоже мил.

Как-то раз наедине
с ней шалили мы сначала,
но свершить случилось мне
то, что Донна запрещала.

С этой встречи всё пропало:
был я мил, а стал немил.
Прежде Донна привечала, —
чем же я не угодил?

Всё неясно, как во сне.
Ну, за что она серчала?
Я ведь дал понять вполне,
как мила она мне стала.

«Боже правый, дух смятен…»

I

Боже правый, дух смятен,
отдаюсь в святые руки,
крестные Ты принял муки,
Богоматерью рожден,
не взыщи за смертный грех,
шалость, глупость, стих и смех,
что влачил в ночи пустой.
Сын Мадонны пресвятой,
Христе Боже, будь не строг,
подводя судьбы итог,
дай мне милости простой.

II

Боже, сердцем сокрушен:
постигал грехов науки
лишь от глупости и скуки,
злобным веком искушен,

слов и дел, коварных вех
даже не упомню всех.
Оттого молю: постой,
Ради Матери святой
Милосерден буде, Бог,
чтобы бедный грешник смог
обрести в тиши покой.

III

Царь небесный, бури стон,
гром и грохот града гулкий,
рьяных вод поток в излуке,
лишь Тобою приручен.
лишь развяжешь ветра мех,
ввергнет в бездну, в блуд и грех
Искуситель род людской,
в гнет железною пятой.
Человек не одинок.
за его душою – Бог.
Дай мне милости святой.

IV

Бог мой, тленом обойден,
лгали книжники – о, злюки! —
что глупы и близоруки,
по Писанью воскрешен,
Ты явился без помех
искуплением для всех.
Умоляю день-деньской
со слезами и тоской:
не пускай смерть на порог,
встречусь с ней, настанет срок
под дубовою доской.

V

Пресвятая, окрылен:
чистотой Твоей от муки,
от беды и от разлуки
силой горней защищен.
Радость, сонм земных утех,
что останутся из тех,
кои красят путь земной —
славить дивный образ Твой,
чтоб, когда мой грозный Бог
призовет меня в чертог,
оказаться пред Тобой.

VI

Боже, не сочти за грех,
изо всех земных утех
я прошу не клад златой:
жизни скромной и простой.
Стих мой – верности залог.
Он восславить только смог
милосердный образ Твой.

Народные романсы

Граф Арнау

– Вы одна ли в этот вечер,
женушка родная?
Вы одна ли в этот вечер,
вдовушка честная?
Нет, одна я не бываю,
граф Арнау милый,
Нет, одна я не бываю,
Господи, помилуй!
Кто же с вами вечеряет,
женушка родная?
Кто же с вами вечеряет,
вдовушка честная?
– Бог и Пресвятая Дева,
граф Арнау милый.
Бог и Пресвятая Дева,
Господи, помилуй!
– Ну а где же дочки ваши,
женушка родная?
Ну а где же дочки ваши,
вдовушка честная?
– В спальню я их отослала,

к ниткам да иголкам,
В спальню я их отослала,
вышивают шелком.
– А нельзя мне их увидеть.
женушка родная?
А нельзя мне их увидеть,
вдовушка честная?
Напугаются уж больно,
граф Арнау милый,
Напугаются уж больно,
Господи, помилуй!
Ну пускай меньшую только,
женушка родная,
Ну пускай меньшую только,
вдовушка честная.
– И меньшую, граф Арнау,
вам не уступлю я,
И меньшую, граф Арнау,
тоже ведь люблю я.
– Замуж дочкам не пора ли,
женушка родная?
Замуж дочкам не пора ли,
вдовушка честная?
– Без приданого не выдашь,
граф Арнау милый,
Без приданого не выдашь,
Господи, помилуй!
– У окна, под половицей,
кожаный мешочек,

там уж, вдовушка честная,
хватит вам на дочек.
Ну а где служанки ваши,
женушка родная?
Ну а где служанки ваши,
вдовушка честная?
– Серебро на кухне чистят,
не жалеют мела.
Серебро на кухне чистят,
чтоб не потускнело.
– А нельзя мне их увидеть,
женушка родная?
А нельзя мне их увидеть,
вдовушка честная?
Напугаются уж больно,
граф Арнау милый.
Напугаются уж больно,
Господи, помилуй!
Ну а где же слуги ваши,
женушка родная?
Ну а где же слуги ваши,
вдовушка честная?
Спят они на сеновале,
граф Арнау милый,
Спят они на сеновале,
Господи, помилуй!
Хорошенько им платите,
женушка родная.
Хорошенько им платите,

вдовушка честная,
По усердью им и плата,
граф Арнау милый.
По усердью им и плата,
Господи, помилуй!
Как же в дом-то вы проникли,
Граф Арнау милый?
Как же в дом-то вы проникли,
Господи, помилуй?
– Сквозь оконную решетку,
женушка родная.
Сквозь оконную решетку,
вдовушка честная.
– Ай, так вы ее спалили,
граф Арнау милый!
Ай, так вы ее спалили,
Господи, помилуй!
– Не коснулся я решетки,
женушка родная.
Не коснулся я решетки,
вдовушка честная.
– Ай, у вас глаза дымятся,
граф Арнау милый.
Ай, у вас глаза дымятся,
Господи, помилуй!
– То мои грехи выходят,
женушка родная.
Оскорбительные взгляды,
вдовушка честная.

– Ай, у вас дымятся губы,
граф Арнау милый.
Ай, у вас дымятся губы,
Господи, помилуй!
– То мои грехи выходят,
женушка родная.
Криводушье и злоречье,
вдовушка честная.
– Ай, у вас дымятся руки,
граф Арнау милый.
Ай, у вас дымятся руки,
Господи, помилуй!
То мои грехи выходят,
женушка родная.
Нечестивые объятья,
вдовушка честная.
Ай, у вас дымятся ноги,
граф Арнау милый.
Ай, у вас дымятся ноги,
Господи, помилуй!
– То мои грехи выходят,
женушка родная.
По кривым путям хожденье,
вдовушка честная.
– Что это за шум я слышу,
граф Арнау милый?
Что это за шум я слышу,
Господи, помилуй?
– Это конь мой бьет копытом,

женушка родная.
Это конь мой бьет копытом,
вдовушка честная.
– Ячменя ему подсыпьте,
граф Арнау милый.
Ячменя ему подсыпьте,
Господи, помилуй!
– Нет, ячмень он есть не станет,
жеиушка родная.
Ест он проклятые души,
вдовушка честная.
– Ну а где приют вам дали,
граф Арнау милый?
Ну а где приют вам дали,
Господи, помилуй?
– Где же, как не в преисподней,
женушка родная?
Где же, как не в преисподней,
вдовушка честная?
– Почему же в преисподней,
граф Арнау милый?
Почему же в преисподней,
Господи, помилуй?
– За обманы да бесчестья,
женушка родная.
За обманы да бесчестья,
вдовушка честная.
И не нужно поминаний,
женушка родная.

И не нужно поминаний,
вдовушка честная.
Ведь от этих поминаний
Нет мне облегченья.
Ведь от этих поминаний
Только злей мученья.
И пускай заложат камнем,
женушка родная,
и пускай заложат камнем,
вдовушка честная,
ход, к монашенкам ведущий,
женушка родная,
в монастырь Святой Агеды,
вдовушка честная.
Петухи никак запели,
женушка родная?
Петухи никак запели,
вдовушка честная?
– Да уже как раз и полночь,
граф Арнау милый.
Да уже как раз и полночь,
Господи, помилуй!
– Ну тогда хоть на прощанье
облегчите муку.
Ну тогда хоть на прощанье
дайте же мне руку!
– Да вы мне ее сожжете,
граф Арнау милый.
Да вы мне ее сожжете,

Господи, помилуй!

Дама из Арагона

Есть в Арагоне юная дама,
солнцу равная красой;
кудри золотые вьются
до земли у дамы той.
(Ох, как искусно, Анна Мария,
Ты крадешь сердец покой!)
Кудри матушка ей чешет,
взявши гребень золотой;
каждый локон – загляденье,
чудо – волосок любой,
волосков атласные пряди
облегают стан прямой.
Ей сестричка их заплетает
гладкой, ровною косой;
косу крестная кропит ей
ароматною водой,
а невестка перевивает
разноцветною тесьмой.
С дамы брат очей не сводит,
горд красавицей сестрой;
с ней на ярмарку он едет
и, не стоя за ценой,
серьги, кольца выбирает

для сестрицы дорогой,—
от их тяжести платочек
чуть не рвется кружевной,
«Братец, братец мой! К обедне
ты сходи, прошу, со мной!»
В храм войдет – алтарь мгновенно
блеск удваивает свой;
капли розами расцветают,
коль черпнет води святой.
Место уступить все дамы
ей спешат наперебой;
на полу сидят все дамы,
ей же ставят стул резной.
Капеллан, забыв молитвы,
путает одну с другой;
певчий вовсе умолкает,
от смущенья сам не свой.
«Кто ж она? Кто эта дама,
столь прекрасная собой»?
Скажет: «Дочь», – король французский,
здешний – назовет сестрой.
Кто не верит, пусть вглядится
в башмачка узор цветной:
арагонский герб с французским
он увидит пред собой.

Узники Лериды

Как в Лериде, славном граде,
все узники вместе сидят,
сидят и поют они песню,
а было их сто пятьдесят.
Их песню слушала дева,
под окном тюрьмы затаясь.
Они ее увидали
и песню прервали тотчас.
«Что ж, узники, вы не поете,
иль вам помешала я?»
«Ах, как же нам петь, сеньора?
Темница наша страшна,
сидим без воды и хлеба,
гуляем в день только раз,
и часто злой тюремщик
гулять не пускает нас».
«Ах, пойте, узники, пойте,—
я скоро вызволю вас».
И вот с мольбой о подарке
приходит к отцу она.
«Дитя мое, Маргарида,
чем я одарю тебя?»
«Ах, батюшка мой родимый,
ключи от тюрьмы мне дай!»
«Дитя мое, Маргарида,

не быть тому никогда:
назначена казнь на завтра —
им всем петля суждена».
«Ах, батюшка мой родимый,
пощаду милому дай!»
«Дитя мое, Маргарида,
кто милый твой? Отвечай!»
«Ах, батюшка мой родимый,
он высок, и рус, и удал».
«Дитя мое, Маргарида,
его прежде всех казнят».
«Ах, батюшка мой родимый,
пусть вешают и меня!»
«Дитя мое, Маргарида,
не быть тому никогда».
Из золота были петли,
перекладина – из серебра,
вся виселица цветами
была разубрана.
Кто ни проходит мимо —
нежный вдохнет аромат,
и в память о бедном влюбленном
слова молитвы звучат.

Моряк

Сидит на морском берегу

юная дева,
вышивает шелком платок
для королевы.

Стежок кладет за стежком,
проворна иголка…
Работа к концу, да беда —
больше нет шелка.

Тут бригантина плывет.
«Ах, ради Бога!
Шелк не везешь ли, моряк?
Дай мне немного!»

Ей отвечает моряк
сильный и смелый:
«Какой тебе надобен шелк,
алый иль белый?»

«Я вышиваю платок
пунцовым шелком…»
«Ну так взойди на корабль,
выбери с толком».

Запел моряк, и под звуки
его напева,
наскучив шелк выбирать,
уснула дева.

Корабль отплыл; тут она
от сна восстала:
глядит вокруг, а земли —
как не бывало!

Берег родной от нее
где-то далеко.
В открытом море корабль
плывет одиноко.

«Верни на берег меня,
о, сделай милость!
Мне страшно в море, моряк!» —
дева взмолилась.

«Чтоб стала ты мне женой,
взял на душу грех я…»
«Нас три сестры, но была
прекрасней всех я.

За герцога вышла одна,
за графа другая,
но стану, на горе себе,
женой моряка я.

Лишь бархат носят да шелк
мои сестры ныне,
а мне, видно, век щеголять
придется в холстине».

«Ты в золоте станешь ходить,
жить будешь безбедно:
отец мой – английский король,
а я – принц наследный.

Семь лет я тебя искал,
прекрасная дева:
я в Англии буду король,
а ты – королева».

ДОН ЛУИС

Сколько б лет еще, галерник,
я месил морскую воду,
но любовь меня скрутила,
и я вымолил свободу.
Граф покаяться велел мне
сразу, как сойду на сушу,
но, еще на сходнях стоя,
облегчил я свою душу.
К тетушке иду сначала,
наш старинный герб над входом.
«Тетушка, да вы всё та же,
не осилить вас невзгодам!»
«Тот, кто это мог сказать бы,
на семь лет к веслу прикован».

«Тетушка, он – перед вами,
и свободен от оков он.
Тетушка, молю, скажите,
матушка моя здорова ль?»
«Дон Луис, она в могиле —
горя-то ведь было вдоволь».
«Тетушка, скажите, жив ли
батюшка мой? Что с ним стало?»
«Дон Луис, давно ослеп он —
слез-то пролито немало».
«Тетушка, скажите, жив ли
брат мой? Вот бы повидаться!»
«К маврам он попал в неволю,
вряд ли ты увидишь братца».
«Тетушка, а что с женою?
Тетушка, ну хоть полслова!»
«Замуж собралась мерзавка —
стало быть, нашла другого.
Завтра, говорят, венчанье —
милость им нужна Господня…»
«Тетушка, молю, скажите,
дома ли она сегодня?»
«Дома, говоришь, племянник…
Дом она уже сменила,
новый-то у самой церкви,
у Святого Михаила».
«Тетушка, сейчас уйду я.
Плащ мне принесите старый,
да у вас моя гитара,

эх, отвык я от гитары».
Песню он запел, и тотчас
муж проснулся беззаконный:
«Вы послушайте, мой ангел,
что за горестные стоны, —
так могли бы петь сирены
или рыбы в море пенном…»
«Ах, сеньор, при чем тут рыбы
и зачем тут петь сиренам?!
Вы нас разлучили с мужем,
это он поет, горюя…»
«Ах, так вот вы как, сеньора!
Что ж, тогда его убью я».
«Прежде вы меня убейте —
мне одной не жить на свете!»
Муж убит был ровно в полночь,
женщина же – на рассвете.
И когда, ликуя, души
выпорхнули прочь из тела,
это были белый голубь
со своей голубкой белой.

Рамон Льюль

Песнь Рамона

Создатель жизнь в меня вложил,
чтоб я добру всегда служил,
а я во зле коснел, грешил
и гнев Господень заслужил.
Христос мне Истину внушил,
чтоб я в любви ко благу жил.

Я исповедался с утра:
покаяться пришла пора,
дабы ступить на путь добра.
Дана молитва мне, мудра,
любовь, надежда – ей сестра,—
и вот душа моя бодра,

Я школу создал, духом яр,
которой славен Мирамар:
словам Христа да внемлет мавр.
Где виноград растет и лавр,
там слезный ток и вздохов жар,
любя, принес я Богу в дар.

Был мною людям разъяснен
великий Троицы канон.
Бог-сын был Девою рожден,
помазанником наречен,
и, в человеке воплощен,
сошел с небес на землю Он.

Чтоб грешных чад спасти своих,
смерть принял Иисус за них,
в громах вознесся грозовых;
и будет добрых Он и злых
судить за все деянья их,
не слыша жалоб никаких,

К науке приобщась моей,
всяк истину познает в ней,
избегнет лжи, ее сетей:
крещенье примут иудей и мавр,
раскается злодей, вкусив науки новой сей.

Взял крест и возлюбил я Ту,
в ком Матерь грешникам я чту;
я от нее помоги жду,
когда вершу свою страду.
Любовь в душе своей блюду,
скорбя и радуясь, иду.

Я беден, стар, гоним я тут,
и мне не в помощь знатный люд;

я взялся за великий труд,
был путь мой и тернист, и крут,
и вот как справедлив наш суд:
меня не любят и не чтут.

В любви, как в глубине морской,
хочу найти смерть и покой,
и мне не страшен никакой
злой князь, церковный иль мирской,
хоть горько, что тиран такой
сбивает с толку род людской.

Пусть Бог нам вестника пошлет,
чтоб подтвердил он, вестник тот,
что Бог есть человек и род
чрез Деву от людей ведет;
да будет мне Она оплот,
от преисподней да спасет.

Хвала Тому, кто так велик!
Когда б мой пыл Его достиг,
чтоб свет Его в меня проник!
Но может отвратить Он лик:
грехи вершил я что ни миг
и сочинил я много книг.

Где б ни был я, творить хочу
добро, да мне не по плечу,
и вот досадую, ропщу,

а все ж, коль правде я учу,
для книг своих я получу
у Бога то, чего ищу.

Молюсь, чтоб дал мне здравье Бог,
свободу, радость без тревог
и святостью меня облек,
чтоб грех какой-то, иль порок,
иль тот, кто гневен и жесток,
власть надо мною взять не мог.

Вели, Творец, земле своей,
стихиям, травам, твари всей
мне не вредить в юдоли сей.
Пошли мне истинных друзей,
всех праведней, мудрей, верней,
чтоб славе я служил Твоей.

О праздности

О, праздный брат,
что леностью объят,
в подобье смерти ищешь ты отрад!

Когда умрешь,
как ты слова найдешь,
чтоб оправдать бездельной жизни ложь?

Увы! Мой слух
к речам рассудка глух,
и каяться не склонен праздный дух,

стенать, тужить,
чтоб милость заслужить,
хоть знаю сам, что мне не вечно жить;

да вот беда:
чураюсь я труда,
хоть создан, чтоб творить добро всегда.

Когда ж и впредь
я буду в зле коснеть,
придется мне за то в огне гореть!

Об уповании

Когда денница озарит восток
и разоденется любой цветок,
чтоб красоту его умножить мог
свет упованья,
я тотчас исполняюсь ликованья
и веры в благость той, кто Матерь мирозданья,
и я спешу
на исповедь и Господа прошу

на путь меня наставить, коль грешу:
да повелит,
чтоб искупил я множество обид,
что сам нанес, во зло себе и в стыд,
тем, кто творит молитвы Пресвятой,
врачующей добром и красотой;
и верю: после исповеди той
всяк грех уйдет
и больше на меня не нападет,
раз Господу я честный дал отчет.

Об утешении

Бог утешенье людям шлет,
напоминая им про гнет,
что претерпел за весь их род.

А мне вот утешенья нет
при виде стольких зол и бед,
бесславящих наш грешный свет.

Кто б мог без слез перенести
то, что Спаситель не в чести
у тех, кого хотел спасти?

Мне горько, что так много тех,
кто каждый день впадает в грех,

хоть ад их ожидает всех.

Кто доброго отверг, когда
он за своих испил стыда,
тому и власть любви чужда.

Бог тех утешит, кто не мстит,
кто добр, и любит, и простит,
надеется, не лжет, не льстит.

Кто набожен и терпелив,
кто верен долгу, справедлив —
утешится, пусть он гневлив.

Кто мнит, что Господом любим,
но безутешен, коль гоним,—
не бескорыстен, Бог не с ним.

Кто, не страшась утрат, невзгод,
радеет лишь о благе, —
тот и утешенье обретет.

Нет утешенья для того,
в ком зло познало торжество,—
Бог отвернется от него.

Книга о рыцарском ордене (фрагмент)

Господь, всеблагой и преславный, всё сущее в себе заключающий: в милости Твоей и благоволении берет начало сия книга, повествующая о *рыцарском ордене.*

Пролог

1. Подобно семи планетам, которые суть тела небесные, а посему опекают и направляют тела земные, я разделил мою «Книгу о рыцарском ордене» на семь частей, памятуя о том, что рыцари наделены превосходящими простолюдинов положением и достоинством, дабы управлять ими и заботиться о них. В первой части речь пойдет о предназначении рыцарства. Во второй – об обязанностях рыцарства. В третьей – об испытании, которому должно подвергать оруженосца, вознамерившегося стать рыцарем. В четвертой – об обряде посвящения в рыцари. В пятой – о символике рыцарского вооружения. В шестой – о рыцарских обычаях и нравах. В седьмой – о почестях, которые надлежит воздавать рыцарю.

2. Случилось как-то в одной стране, что некий мудрый рыцарь, который долгие годы поддерживал рыцарский орден своей дерзновенной и беспримерной доблестью и которого

долго хранила мудрая судьба во славу рыцарства во время войн и турниров, штурмов и битв, задумавшись над тем, что дни его сочтены и что для ратных дел он по старости уже не годится, решил отныне вести жизнь отшельника. Он отказался от своих имений, оставив их детям, уединился в густом лесу, обильном источниками и плодоносящими деревьями, построил себе шалаш и удалился от мира, дабы телесная дряхлость, вызванная старостью, не обесчестила того, чью честь мудрая судьба столь долго хранила. И задумался рыцарь о смерти, размышляя о времени, стремительно текущем из века в век, и понял он, что близок к объяснению всего происходящего.

3. В лесной чаще, в которой поселился рыцарь, была живописная поляна, которую украшало древо, всё усыпанное плодами. Неподалеку от этого древа протекал ясный, сверкающий ручей, питавший влагой поляну и все растущие окрест деревья. Рыцарь имел обыкновение посещать ежедневно этот уголок, дабы возноситься мыслями и молитвами к Господу, которому он воздавал хвалу за ту неизъяснимую благодать, коей был осенен на протяжении всей своей жизни.

4. Как-то ранней весной некий достославный король, преисполненный достоинств и добродетелей, созвал свой двор. Привлеченный громкой славой, которой пользовался двор этого короля, решил отправиться к нему некий достойный

оруженосец, один, без попутчика, верхом на своем коне, вознамерившись быть посвященным в рыцари; и так утомился он в пути, что, сидя в седле, задремал. В это же самое время рыцарь, уединившийся в лесной чаще для покаяния, пришел по обыкновению к источнику, дабы, отрешившись от тщеты сего мира, созерцать Господа.

5. Воспользовавшись тем, что оруженосец заснул, его конь свернул с дороги, углубился в лес и брел по нему по своему усмотрению, пока не оказался у ручья, где рыцарь пребывал в молитве. Как только рыцарь увидел оруженосца, он прервал молитву, устроился в тени дерева на живописной поляне и погрузился в чтение книги, которую носил с собой в сутане. Конь стал пить из источника воду, а дремавший доселе оруженосец, почувствовав, что конь остановился, проснулся и увидел перед собой рыцаря, старого годами, длиннобородого, с длинными прядями волос и в рваной одежде; от суровой аскезы был он изможден и худ; от непрестанных рыданий поблекли его глаза, да и весь его облик выдавал в нем человека праведной жизни. Велико было их удивление, когда узрели они друг друга, ибо рыцарь долгое время, с тех пор как оставил он свет и расстался с оружием, провел в уединении; а оруженосец дивился тому месту, в котором он очутился.

6. Спешился оруженосец, почтительно приветствуя рыца-

ря, и отвечал ему рыцарь со всей возможной учтивостью, и расположились они на мягкой траве друг против друга. Догадался рыцарь, что оруженосец, оказывая ему честь, не хочет говорить первым, и сказал:

– Друг мой, каковы ваши планы, откуда вы путь держите и зачем вы сюда прибыли?

– Господин мой, – ответил оруженосец, – пронесся слух, что один достославный король вознамерился устроить великое празднество, дабы во время оного не только самому вступить в рыцарский орден, но посвятить в рыцари и других баронов – своего королевства и запредельных стран; потому-то я и направляюсь к его двору, дабы быть посвященным в рыцари. А в этом уединенном месте я оказался благодаря моему коню, который забрел сюда, пока я спал, сморенный многодневной усталостью.

7. Стоило лишь рыцарю услышать о рыцарстве, как вспомнил он о рыцарском ордене и обо всем том, что связано с рыцарями, вздохнул он и глубоко задумался, памятуя о высокой чести, которая была ему, благодаря его многолетней принадлежности к рыцарству, дарована. И спросил оруженосец рыцаря, погрузившегося в воспоминания, о чем задумался он. Рыцарь ответил:

– Сын мой, я думаю о рыцарском ордене и о высоком предназначении рыцаря, призванного поддерживать славу рыцарства.

8. Оруженосец попросил рыцаря поведать ему о рыцарском ордене и о назначении человека сохранять и приумножать славу, дарованную ему Господом.

– Что слышу я, сын мой! – воскликнул рыцарь. – Тебе неведомо, в чем заключаются обычаи и установления рыцарства? Как же ты можешь мечтать о рыцарстве, если не имеешь представления об установлениях рыцарства? Ибо невозможно быть опорой ордена, о котором не имеешь представления, равно как нельзя и любить орден и всё, что с ним связано, если неведом тебе сам орден и все те козни, которые против ордена замышляются. И ни один рыцарь, не сведущий в рыцарстве, не смеет посвящать в рыцари, ибо беспутен тот рыцарь, который напутствует другого рыцаря и наставляет его в рыцарских устоях и обычаях, сам не имея о них представления.

9. Выслушав упреки и порицания рыцаря оруженосцу, вознамерившемуся стать рыцарем, оруженосец сказал рыцарю:

– Господин мой, если бы вы сочли возможным просветить меня в устоях рыцарства, полагаю, что я вполне способен был бы их усвоить и следовать рыцарским обычаям и установлениям.

– Друг мой, – сказал ему рыцарь, – обычаи и установления заключены в этой книге, которую я время от времени пере-

читываю, дабы не забывать о милости и благорасположении, которыми Господь меня одарил, ибо ко славе и процветанию рыцарского ордена я приложил немало сил; и если рыцарь всем, что ни есть в нем, обязан рыцарству, то и сам он должен быть готов пожертвовать всем ради рыцарства.

10. Рыцарь протянул книгу оруженосцу; и, прочитав ее, тот понял, что рыцарь – это один из тысячи, избранный, которому предначертан наиблагороднейший удел; осознал он устои и обычаи рыцарства и, поразмыслив немного, сказал:

– Хвала Создателю за то, что привел он меня вовремя в это место, где открыли мне глаза на рыцарство, к которому я столь долго стремился, не ведая ни благородства его установлений, ни славы, которой Господь одарил всех тех, кто принадлежит к рыцарскому ордену.

11. Дорогой друг, – сказал рыцарь, – дни мои сочтены, недолго мне осталось жить; и если книга эта предназначена для того, чтобы вновь утвердились на земле благочестие, верность и устои, которые должны воцариться, дабы мог рыцарь поддерживать свой орден, возьми, сын мой, эту книгу ко двору, к которому ты направляешься, и просвети с ее помощью всех тех, кто вознамерился стать рыцарем; храни ее хорошенько, ибо теперь ты ее обладатель, если только тебе дорог рыцарский орден. А когда ты уже будешь посвящен в рыцари, заверни в наши края и поведай мне о тех, кто, став

рыцарями, не подчинился рыцарскому уставу

12. Рыцарь благословил оруженосца, и оруженосец взял книгу, сердечно попрощался с рыцарем и, сев на коня, в веселом расположении духа отправился на празднество. Прибыв ко двору, он поведал о книге, показав ее благочестивому королю и всем его приближенным, и добился того, что всякий, кто мечтал быть посвященным в рыцари, мог переписать книгу, дабы каждый раз, перечитывая ее, вспоминать о рыцарском ордене.

Пере Марк

«Дни человека к смерти чередой…»

Дни человека к смерти чередой
стремят его от самого рожденья,
и не прервется путь ни на мгновенье
во сне, на отдыхе иль за едой:
назначен срок, и вот живет он, зная,
что смерть его в небытие вернет,
в болезни, в здравье, в счастье, средь невзгод, —
но участь людям не дана иная.

Известно, не объедешь стороной
смерть строгую, напрасны ухищренья,
богатство, норов, власть, сопротивленье;
но неизвестен день кончины злой —
как, где, когда придет, всех подминая,
ни щит, ни ров, ни замок не спасет —
и мудреца, и дурня унесет:
мы все – одно, все та же персть земная.

Нам ведомо, что всех конец такой
ждет рано или поздно; тщетно рвенье.
Сколь быстрое у времени теченье!

Но человек не помнит правды той:
любуется собою, почитая
свой ладный стан, лик ясный, и влечет
мирская жизнь его, мирской почет,
и обольщает чувств игра пустая.

Но вспомним же, как сотворен любой.
Мы все – лишь соков мерзостных смешенье;
в нечистом лоне вспомним заточенье
и чем питает мать нас той порой,
как страждет, нас из лона извергая,
а мы с великим плачем в свой черед
вступаем в лживый мир, что обречет
на муки нас, казня и обжигая.

Что можешь ты сказать, старик гнилой?
Ведь из-за хворей жизнь твоя – мученье!
Смерть шлет тебе свое предупрежденье,
а ты внимать не хочешь вести злой.
Как в смрадном гноище свинья тупая,
в грехах своих гваздаешься, и вот
язык твой суесловит, спорит, лжет,
дух подлый у тебя, а длань скупая.

Тебе постичь умом бы и душой,
что всем нам жизнь приносит измененья:
разор – богатым, бедным – возвышенье,
большим стал малый, малым стал большой,
с недугом юный борется, страдая,

и прежде старца быстро в гроб сойдет,
а старый мнит, что льва сильнее кот,
кончины для себя не ожидая.

Лишь Богу ведомо, зачем дурной,
безумец, лжец приял бразды правленья;
кто добрым был в нужде и подчиненье,
злым станет, коли лен получит свой;
монах, что в Грассе жил, свой нрав смиряя,
епископом гордыню обретет;
иному бы пасти в Террассе скот,
а он вершит судьбу большого края.

Кто хочет Богу верным быть слугой
и в этом мире жить без огорченья,
пусть вверится Господню попеченью
и радости не требует другой.
Бог знает сам, кому конец, карая,
или недуг тяжелый Он пошлет,
и правит нами с горних Он высот,
по воле испытанья избирая.

Я слышал, как промолвил, умирая,
святой отец в печали: «Счастлив тот,
кто в пастухах жизнь прожил без забот:
мирская честь вас удалит от рая».

Я, Пере Марк, к Создателю взываю:
пусть мужество и волю мне пошлет,

чтоб с радостью сносил я груз невзгод
и не гордился, блага принимая.

«Деву чту я, коль стыдлива…»

Деву чту я, коль стыдлива,
рыцаря – коль меч остер,
даму – коль наряд красивый,
а слугу – коль в деле спор,
а коня – коль пышногривый
и покорен воле шпор,
неустанный, нестроптивый.

Люб мне бег его ретивый
там, где людно и простор,
и люблю глядеть, как живо
пышет и дымит костер,—
пусть не дремлет враг кичливый,
что, затеяв ратный спор,
сжат осадой терпеливой.

В милой нрав мне люб игривый,
чтоб была не из притвор,
станом тонкая на диво,
пусть мне тешит плоть и взор,
любит пусть меня правдиво,
не за деньги иль убор,

и верна, и незлобива.

И по нраву мне учтивый,
обходительный сеньор,
храбрый, честный, справедливый,
всем открывший дом и двор
и презревший речи льстивой
низкий и ненужный сор,
щедрый и правдолюбивый.

И люблю зимой дождливой
до зари войти в притвор,
пусть ведет тихоречиво
клирик с Богом разговор,
ибо пенья переливы
оглашать должны собор
лишь в день праздника счастливый.

Ансельм Турмеда

Восхваление денег

Если ты деньгой богат,
не засудят, не казнят —
адвокатом станет кат,
лишь тряхни мошною.

Деньги могут в мудреца
мигом превратить глупца
и тихоню в наглеца,
в грешника святого.

В деньгах корень зол и благ,
в них причина войн и драк.
Станет в церкви кто «за так»
петь «Beati quorum»?

Деток радует их вид,
преподобный кармелит
требы ради них творит,
ради них он спляшет.

Толстым выглядит худой,

если с толстой он мошной.
Только скажешь «на!», глухой
в тот же миг услышит.

Деньги – лучший из врачей.
Мавр, католик, иудей,
еретик и иерей —
все в Мамону верят.

Ради денег мир живет,
с ними дураку почет,
праведник за них солжет —
это ли не чудо!

Деньги надобно копить,
стоит ради них убить.
Сможешь ты за них купить
и престол святейший.

Избери благую цель,
набивай себе кошель.
Твердо знай: Святой Кошель
нынче правит миром.

Строфы о смуте в королевстве Майорка (фрагмент)

Я ранним утром встал
(а было то весною)
и на коне помчал
тенистою тропою;
деревья надо мною,
как свод, сплелись, и вдруг
широкий вижу луг
с зеленою травою.

Я замер, ослеплен:
столь яркими лучами
струился небосклон;
луг был покрыт цветами.
За крепкими стенами
из тесаных камней
открылся замок мне,
сверкая куполами.

Все изумляло взгляд:
царящих над долиной
высоких башен ряд
и мощные куртины.
Прекраснее картины

припомнить я не мог.
Прозрачный плыл поток
извилистой ложбиной.

Проворны и быстры,
там рыб ловили птицы,
а в волнах осетры
резвились и плотицы,
и плыли вереницей
огромные угри,
старались пескари
поглубже в дно зарыться.

С седла я соскочил,
исполнен восхищенья,
и обойти решил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.